

Вырезка из газеты
КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

г. Москва

27 МАР 1983

В ГРИМЕРНОЙ Лаврова за кулисами БДТ я увидел портрет Константина Симонова с теплой дарственной надписью.

— С именем этого писателя, — рассказал Кирилл Юрьевич, — связано начало моей творческой биографии. Первой серьезной своей работой считаю роль Боба Мэрфи в спектакле по симоновской пьесе «Русский вопрос». Это было во времена давние, в сорок шестом году, когда я служил авиатехником на Дальнем Востоке, в бомбардировочном полку. У нас в клубе был отличный руководитель художественной самодеятельности — старшина Семен Монахов. Он и помог мне познать глубину творчества Симонова, его фронтовой лирики, его патриотической поэзии, многогранной драматургии.

Слушаешь актера — и ярко представляешь себе тот совсем не простой путь, что привел его к созданию самого трудного и ответственного образа советской сцены — образа вождя революции. Своеобразной актерской «академией» на этом пути стали такие, к примеру, значительные работы Лаврова, как роль Синцова, коммуниста, офицера-фронтовика в экранизации романа К. Симонова «Живые и мертвые», парторга в спектакле по пьесе Л. Гельмана «Протокол одного заседания»...

— ...Еще мне помогает в делах актерских долготелая дружба с бригадой коммунистического труда Николая Соколова с Ижорского завода. Они частые гости здесь, в гримерной. А я к ним на завод езжу, бываю у рабочих мест, встречаемся мы и семьями, обсуждаем наши и «чужие» спектакли, говорим о житейских делах. Это общение, тесное, дружеское, — большая поддержка в актерской работе да и нечто вроде ОТК. Для меня во всяком случае: а каков же ты, дескать, в глазах людей?

— Когда, считаете вы, началась непосредственная работа над образом Владимира Ильича Ленина? — спрашиваю актера.

— Началом была роль в спектакле БДТ «Защитник Ульянов». Было это много лет назад, но и сейчас помнится трепетное волнение: осилил ли? Пьеса Виноградовой и Еремьной была построена на фактическом материале: конечно же, и я ринулся к материалам, документам... Поразили — как, видимо, и каждого — эрудиция двадцатилетнего юноши, который оперирует громадным количеством фактов, данных. Перечитал статьи молодого Владимира Ульянова. По аграрному вопросу, например: как же широк объем информации, а смелость обобщений и выводов — поразительна!

При работе над ролью меня, например, потрясал такой факт. Вот — юноша. Из глубокой провинции, так ведь? И он приезжает в Петербург — и в кратчайший промежуток времени стано-

вится признанным лидером революционеров российской столицы...

Очень это было сложно постичь — мне, актеру, говоря чистосердечно. Так же, наверное, как и художнику-портретисту или скульптору. Потому что для каждого из нас фигура Ленина — она, образно говоря, монументализованна. И порой за этой монументальностью, за этим гранитом и бронзой, в которых мы из самых высоких, чистейших побуждений воплотили образ вождя на веки вечные, где-то все же теряется ощущение его просто как

смысла не имело: все равно я это сделаю хуже. Каждая копия в нашем деле плоха. Хотелось дать что-то свое. Да и Шуккин, сам Шуккин сыграл бы сейчас наверняка иначе. Искусство движется, не стоит на месте. Поймите меня как актера: у каждого исполнителя — свой Ленин. Да и вообще у каждого человека — свое, личное восприятие нашего вождя, настолько этот величайший из великих многогранен. Мне хотелось сыграть, как вы понимаете, своего Ленина.

Я очень много провел времени, разглядывая фотогра-

тоже говорит о характере. Недаром все его соратники отмечают удивительную способность Ильича держаться просто, быть «своим» в любом обществе. Будь это крестьянин, академик или военный — кто угодно. Буквально в минуты, вспоминая современники Владимира Ильича (много воспоминаний довелось проштудировать!), Ленин становился для окружающих близким и понятным человеком.

— Не потому ли солдат Шадрин не узнал сразу Ленина, посчитав его кем-то из своих?

важности. Ну и что, если похож, «просто копия»? Как зритель, я хочу видеть живого человека, хочу видеть душу человека! Потому ухажу даже от пластики, манеры, от того, что прекрасно показал Шуккин в свое время. Ну, хотя бы знаменитый этот ленинский жест — пальцы рук под вырезы жилета...

Вспомним: «Человек с ружьем»... Если бы Шуккин пренебрег этими деталями, может, и не создалось бы впечатления внешней схожести, тогда особенно важного. Ведь страна, миллионы помнили вождя живым, реальным, а не экранным, так сказать. Шуккин был как бы обязан восстановить каждую черточку, предельно приблизившись к портретной схожести, похожести.

Сейчас, уверен, важнее иное. Показать Ленина — Человеком, Мыслителем — поставить эти слова в прописной буквы! При всем этом ни в коем случае не впасть в назидательность. Я терпеть не могу искусства назидательного. Когда вижу, как актеры, режиссеры тычут «перстом указующим»: вот этого не надо делать, а это — надо, для меня нет в таком случае спектакля. Мы должны всем своим актерским существом подвести зрителя к решению, что хорошо, что плохо, а не водить его за ручку, как немощного, духовно отсталого...

И вот — строки из письма группы молодых ленинградских рабочих: «Своей правильной игрой вы помогаете нам лучше понять мир... Образ Ленина, который вы создаете, нам близок, волнует своей жизненностью, партийностью, большой настоящей правдой. В этом мы убедились еще раз, увидев вас в спектакле «Перечитывая заново»...

Добившись зрительского признания, успеха, Кирилл Юрьевич Лавров остается верен себе: работать, работать, шлифуя, оттачивая свое актерское мастерство. Занятый в большинстве спектаклей текущего репертуара БДТ, он по-прежнему много снимается в кино и телефильмах. Это дает ему, в частности, возможность много ездить по стране.

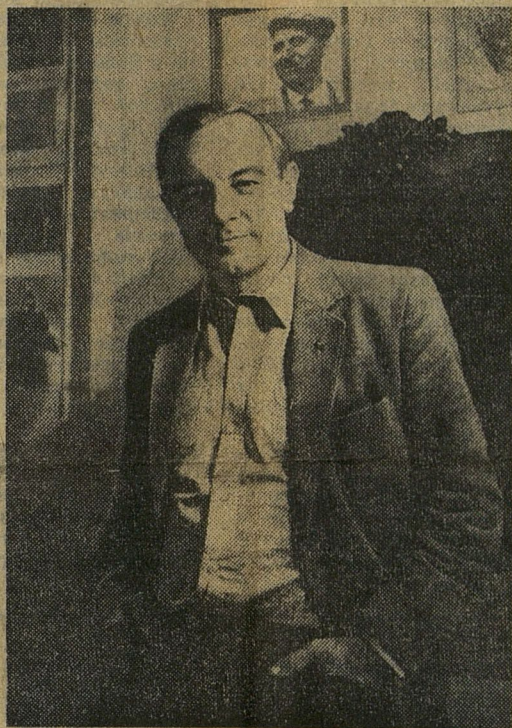
— Вот только никак на родной Дальний Восток не попаду, — улыбается Кирилл Юрьевич. — Побывать бы в местах, где служил... Както в Мононо, под Москвой, где была выставка авиатехники времен Великой Отечественной войны, увидел я старую боевую машину Пе-2. Кинулся к ней, к «Пешке», как к родной: ведь в годы воинской службы столько пришлось потрудиться с этой великопленной машиной. Полюбил ее. И вообще, скажу вам я искренне благодарен армии: там прошел отличную жизненную, политическую школу, вступил в Коммунистическую партию, впервые вышел на подмостки как артист-любитель. Все это нынче очень помогает мне — и на сцене, и в жизни.

Фото М. ДМИТРИЕВА.

ЧЕРТЫ ДОРОГОГО ОБРАЗА

Имя лауреата Ленинской премии, народного артиста СССР Кирилла Юрьевича Лаврова широко известно не только в нашей стране, но и за рубежом. Около тридцати лет он работает в Ленинграде в Академическом Большом драматическом театре имени М. Горького. Много снимается в кино и телефильмах. Напряженную творческую деятельность коммунист К. Лавров совмещает с общественной: он депутат Верховного Совета СССР.

В преддверии Международного дня театра наш внештатный корреспондент В. Нестеренко встретился с Кириллом Юрьевичем и попросил его рассказать о том, как складывалась судьба актера, как пришел он к работе над главной ролью в своей жизни — ролью Владимира Ильича Ленина.

человека. Доброго. Хорошего. Твердого. Умного. Гениального — но человека. Он же — человеческий в лучшем смысле этого слова!

— Имел ли для вас значение в этой нелегкой работе опыт других исполнителей? Например, Шуккина?

— Именно блистательная игра Шуккина в фильме «Ленин в Октябре» и других отличных произведениях мне не давала покоя. Особенно в сравнительно недавних работах моих — спектакле «Перечитывая заново...» и телефильме «20 декабря»... Закрою глаза, хочу представить себе Ленина рядом с собой, как мы с вами вот разговариваем. Я бы поглядел, как он сидит. Как смотрит. Как говорит. То есть мне, исполнителю, просто необходимо представить себе человека, которого предстоит сыграть. И тут-то у меня — преграда: никак не могу — слово бы подобрать поточнее — отстраниться от актера Шуккина. Невольно перед глазами вставал не Ленин, которого я хотел бы сыграть по-своему, а Шуккин в роли Ленина.

И продолжалось это до тех пор, пока я не погасил в себе подобные воспоминания, не смог забыть уже сыгранное до меня. Повторять ведь

фигуры Владимира Ильича. Частыми сидел: хотелось хотя бы таким образом приблизить его к себе, приблизиться к его внутреннему состоянию.

На некоторых снимках, а я разглядывал их через сильное увеличительное стекло, мне виделся потрепанный рукав пиджака — общеизвестна предельная скромность, неприхотливость, аскетизм Ильича в отношении собственной одежды, быта. Где-то — плохо пришитая пуговица. Иногда — и не очень тщательно выбритая в спешке щека... Тут-то у меня начинала работать фантазия. Думаю, ой, как же поздно он вчера лег, наверное! И сегодня утром тяжело было вставать... Плохо себя чувствовал... Ведь 1920-й, властно давала знать о себе болезнь... А может, горопился, какие-то неотложные дела ворвались в утренний распорядок — не успел как следует даже и побориться...

Эти мои фантазии наверняка покажутся иному по крайней мере странными. А для актера они становились важным подспорьем в поисках нужных для исполнения роли, воплощения образа деталей. Вглядываясь в снимки Владимира Ильича: никакой напряженности, полная раскованность, свобода позы... Я думаю, это

— Да, да, вы правы, драматург Погодин, создавая «Человека с ружьем», использовал в пьесе, затем и в знаменитом фильме эту черту нашего вождя. Есть и еще одно, что помогало мне в работе над образом. Оно личное, идущее от сердца. Вот — конец спектакля, дело ближе к полуночи... Иногда иду из театра пешком. По улице России... Живу на Петроградской стороне, путь домой пролегает мимо «Авроры», крейсера революции. А неподалеку от моей «трассы» — особняк Кшесинской. Ночью балкон, с которого выступал Ленин, ясно виден, подсвеченный красным лучом прожектора. А там за Невой — Зимний... И так остро ощущаешь в себе в эти минуты душевное волнение от того, что город, в котором живешь, — город Ленина, в нем жизнь Ленина и твоя жизнь...

На минуту Лавров умолкает. А я вспоминаю, каким видел его совсем недавно на сцене. Собственно, грима как такового нет — лишь парик да костюм...

— Мой принцип — не быть однозначно похожим на портрет, — говорит Лавров. — Мне кажется, что слепок с лица для современного зрителя — деталь не первостепенной